

сти *рачителя*, философии *любителя*, правде *творителя*, книгам *сказателя*, грамоте *пермстей писателя*.¹ Кроме окончаний, выделенных в тексте курсивом, мы находим в том же тексте нить слов: *обретателя* — *взыскателя* — *подателя*, — нить, переплетающуюся с другой нитью: *руководителя* — *чистителя* — *утешителя* — *кормителя*. Обе нити продолжаютя в конце периода, причем слова с окончаниями *-ателя* и *-ителя* начинают теперь рифмовать, переместившись с первого места на второе. Нужны по меньшей мере *киноварь* и *чернила*, чтобы наглядно показать линии этих узоров.

Епифаний сам хорошо сознавал „сплетенность“ своих слов. Он не только воспользовался в приведенном отрывке выражениями „плетущи“ и „приплетая“, но и в другом месте² говорит: „Како хвалу ти сплету?“.

Судя по „Житию Стефана Пермского“, для Епифания было характерно включение в текст *житий* сочиненных им молитв,³ *поучений*⁴ и т. п. В „Житии“ встречаются и диалоги,⁵ но более характерен для Епифания *статический* монолог в форме, как мы сказали, молитвы, *поучения*, *плача*. Так, в „Житии“ помещены „*плач пермских людей*“, „*плач церкви пермския*“, „*плачеве и похвала инока списающа*“.⁶ В соответствии с этой статикой, отсутствием „сценичности“, стоит характеристика того или иного лица путем нанизывания вереницы эпитетов. Наконец Епифаний (в отличие от Пахомия) любил давать длинную цепь текстов из „священного писания“.

Отличительным свойством произведений Пахомия были, наоборот, *драматические* (сценические) эпизоды. Например, при описании возвращения Сергия: „*ученицы ко святому в радости зельне припадающе на нозе его целоваху, и руже лобзающе, и ризам его касающеся, очи и лице знаменающе, инии же предтекуще от желания, толико хотяще зрети на нь*“. Это — многофигурная живописная композиция, сцена, в которой прежде всего привлекают внимание движения и позы. Сходные описания не даром встречаются в позднейших иконописных подлинниках.

Другое отличительное свойство Пахомия — любовь к диалогам.⁷ Речи не представляют уже собой риторических монологов, „плача“ или декламации, как у Епифания, а являются речами действующих лиц, приближаются к реалистической передаче живого разговора; повествование драматизируется, „инсценируется“, дается „в лицах“. Примером может служить начало разговора митрополита Алексия и Сергия (по редакциям Г, Д и Е). Митрополит говорит Сергию: „Ведый буди, преподобне, на что призвах тя и что хошу яже о тебе сотвори?“ . Сергий отвечает: „И како могу, господи, ведати?“ и т. д.⁸

Наконец если присмотреться ко многим рассказам Пахомия о чудесах, то нетрудно заметить, что в них особенно выделяются явления,

¹ Там же, стр. 106.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 18—19, 52, 81.

⁴ Там же, стр. 28—29, 82—84.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 86—91, 91—98, 100—112.

⁷ Это было отмечено уже Яблонским, у которого приведены и примеры (стр. 270—272).

⁸ Ср. в спорной (по Тихонравову, „Епифаниевой“) редакции Б: „Видев же его митрополит и рече ему: „Добро прииде, чадо“. Сергие же отвеща: „По повелению твоему приидох, не могши преслушати твоего звания“. На мой взгляд, это еще аргумент в пользу того, что редакция Б не принадлежит Епифанию.